

Annotation

Принять участие в отборе невест и нажать кучу врагов? Как оказалось, это совсем несложно. Влюбиться в ледяного дракона? Тоже было довольно просто. Вот только как отдаться этому чувству, когда в другом мире остался законный муж?

Заговорщики и соперницы неустанно плетут интриги. А расплачиваться за победу, возможно, придется ценой собственной жизни. Но я, в прошлом Аня Королева, а ныне княжна Фьярра-Мадерика Сольвер, предпочитаю не думать о худшем. И продолжаю верить, что настоящая любовь сильнее любого проклятья и не позволит мне превратиться в лед.

* * *

Валерия Михайловна Чернованова

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Глава 19

Глава 20

Глава 21

Глава 22

Глава 23

Глава 24

Глава 25

Глава 26

Глава 27

Глава 28

Глава 29

Глава 30

Глава 31

Глава 32

Глава 33

Глава 34

Глава 35

Глава 36

Глава 37

Глава 38

Глава 39

notes1

* * *

Валерия Михайловна Чернованова

Мой (не)любимый дракон. Выбор алианы

© Чернованова В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Все любят хеппи-энды. Жаль, не всегда они случаются в жизни. И только заядлые мечтатели и неисправимые оптимисты верят в такие сказки. Им постоянно слышится мажорный аккорд.

Увы, в мелодии моей жизни преобладают минорные ноты.

Наверное, я законченная пессимистка, потому как с недавних пор ни в какие «и жили они долго и счастливо» не верю.

С недавних – это с сегодняшнего вечера, который можно сравнить с виражами на американских горках. Когда то летишь вверх, то ныряешь вниз, и тебе то страшно до чертиков, то дух захватывает, и в животе хлопают крыльями сотни бабочек.

Танец со Скальде – это как раз про тех самых бабочек и про стремительный полет до небес. Нападение Крейна – поворот в мертвой петле, после которого несешься в бездну. Поцелуй с тальденом – снова взлет к солнцу, выше облаков. А потом...

Я сама столкнула себя из поднебесного рая на грешную землю. Падение было коротким, приземление – болезненным. Насмерть не разбилась, но сердце все в трещинах.

Надо будет спросить Хордиса, нет ли у него еще какого-нибудь обезболивающего. Чтобы в груди так противно не ныло. А лучше пусть даст мне общий наркоз. Хоть выплыву нормально.

Еще бы раздобыть обидоутоляющих капель. Но вряд ли они найдутся в аптечке целителя.

И ведь не на кого свалить вину, сделать крайним. Сама влюбилась. Сама оттолкнула. Прервав самый умопомрачительный поцелуй в своей жизни.

Запаниковав, я отстранилась от Скальде, лишая себя тепла его объятий, ласки таких желанных губ. Стирая мимолетные мгновения счастья, как будто их и не было.

– Это неправильно, – пушечным залпом прогремело в тишине опрометчивое.

И зачем только сказала... Ненормальная.

Спустя секунды, а может, вечность его напряженного молчания и моего прерывистого дыхания, услышала:

– С Крейном тоже так было? Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Слова ударили пощечиной.

Ревность и злость, полыхнувшие в глазах дракона, скрыл уже ставший привычным лед. Он затянул мутной коркой ясную радужку, и меня обдало холодом. Казалось, вокруг нас вот-вот закружит вьюга, снежная метель подхватит меня и бросит в сугроб.

Внутри всколыхнулась обида, замешанная на собственных страхах и сомнениях.

– Значит, вот какой вы меня считаете? Девицей легкого поведения, соблазняющей всех подряд? – Только что поцелуи Ледяного были так сладки, а теперь на губах горчило от его слов. – Герцогов, тальденов... Ваше великопение, я уже давно не в том возрасте, чтобы играть чувствами. И никогда не рассматривала мужчин в качестве игрушек.

– Вас постоянно видели вместе, – хлестнул упреком.

Тьма в сумрачном взгляде густела, становясь непроницаемой. А я-то, наивная, понадеялась, что прощена и помилована. Но Герхильд вдруг решил начать меня «казнить».

– Ну простите, что не зарывалась в снег всякий раз, когда он оказывался рядом! Я с ним встреч не искала. Может, еще оправдаете Крейна и посочувствуете ему? Скажете, что поступил правильно, проучив кокетку за легкомыслие. Какой молодец!

– Ты извращаешь мои слова, Фьярра, – процедил, будто лед зубами крошил. – Крейна накажут за то, что он тебе... с тобой сделал. Я просто пытаюсь понять, почему это произошло.

Тоже мне, сыщик доморощенный.

Черты лица Герхильда заострились, стали еще более резкими, будто высеченная из камня маска. Свободная рубашка скрадывала тело, но я скорее чувствовала, чем видела, как мышцы бугрятся от напряжения на руках, на груди тальдена. В то время

как в душу к нему на шабаш слетались ведьмы и прочая нечисть.

Правду говорят, все драконы – неисправимые собственники. А еще ревнивцы, каких свет не видывал. Даже Ледяные. Любить не умеют, зато ревновать – слепо, до бешенства – это сколько угодно. И вот сейчас его подмороженное великолепие бесится от того, что кто-то другой посягнул на желанную добычу. Осмелился ее целовать.

Наверное, потому и пришел. Чтобы стереть прикосновения губ Крейна, своим поцелуем наложить печать. Подтвердить право собственности. А не потому что беспокоился, каково мне сейчас, после того, как чуть не стала жертвой насилия. Поставил тавро, как на любимой корове.

И еще чем-то недоволен!

– Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться, – выразительно покосилась на дверь.

Тальден усмехнулся, напоследок всадив мне взглядом в сердце осколок льда, и, бросив холодно: «Доброй ночи, эсселин Сольвер», ушел, так и не поняв, что же со мной на самом деле происходит.

Не пожелав понять.

Впрочем, откуда Скальде было знать, что я оттолкнула его не из-за обиды. Не из-за того, что такой ревнивец и собственник. И даже не из-за угрызений совести перед Лешей. Последняя уже давно скончалась в муках. Вместе с любовью к мужу.

Я просто испугалась, что могу в любой момент потерять то, что стало для меня по-настоящему важным.

Скальде целовал эсселин Сольвер, прекрасную княжну Лунной долины... Ладно, не прекрасную, а подсвеченную синяками. Но все равно княжну. Вот только я никакая не княжна. Я просто Аня. Аня Королева. Девушка из другого мира, которой никогда не стать ари. Даже если Герхильд из всех алиан выберет меня и после первой брачной ночи я не превращусь в ледяной памятник, для меня хеппи-энда все равно не случится. Ведь мое место сразу займет Фьярра.

Коза драная.

Жаль, что я не Скарлетт О'Хара, которая все проблемы благополучно оставляла на завтра. Увы, у меня никогда не получалось кормить себя «завтраками». И я не робот, чтобы отключать мысли на ночь. Ставить неприятные, разъедающие душу чувства на паузу.

Наконец-то перестала врать самой себе и призналась, что влюблена. По уши, безвозвратно и без всяких привязок. И мне совсем не хочется продолжать обманывать Скальде. Ну не могу я с ним целоваться и при этом прикидываться той, кем на самом деле не являюсь!

– Ну и что прикажешь делать? – спросила преспокойно дрыхнувшего возле камина Снежка.

В ответ кьерд лениво дернул хвостом, усыпав пол вокруг себя искрящимися

снежинками. Как будто от назойливой мухи отмахнулся. От меня. Наверное, таким образом питомец хотел сказать: отстань! Мне не до ваших сердечных метаний. Сами разбирайтесь.

Я обвела комнату задумчивым взглядом. Поймала в зеркале свое отражение – в серебряной глади маячила хрупкая светловолосая девушка.

Не я.

Это было не мое тело, не мой мир, не мое время. Но мужчину, с которым меня свела судьба, – его безумно хотелось назвать своим. И чтобы он узнал настоящую меня. Полюбил Аню, а не Фьярру.

– А знаешь что? – Кьерд не знал и не хотел знать. – Возьму и разберусь!

«По-хорошему следовало с этой мыслью сначала переспать и уже потом что-то решать», – так думала я, спеша коридорами замка в крыло, где располагались покои будущего императора.

Время уже давно перевалило за полночь. Праздник кончился. В замке хозяйничали сумрак и тишина. Меня встречали и провожали блики пламени на стенах и стекающие по ним, расползающиеся по полу причудливые тени.

Я шла, с силой сжимая кулаки, раздираемая сомнениями. Что, если Блодейна узнает, и тогда пострадают мои близкие? Что, если Скальде меня не поймет? Что, если, признавшись, сделаю только хуже? Себе, ему.

Всем.

Обернулась, вглядываясь в следующий по пятам полумрак. Еще не поздно повернуть обратно... Ногти впивались в ладони, оставляя на коже глубокие борозды, но боли я не ощущала. Не чувствовала ничего, кроме навязчивого желания во всем признаться.

Я его люблю? Люблю. Хочу ему врать? Не хочу.

Не могу.

И не буду!

Не стану больше идти на поводу у чертовой колдуньи!

Отбросив сомнения, ускорила шаг, спеша скорее добраться до покоев тальдена. Не знаю, как обойду стражу. Не знаю, как к нему попаду.

Главное, сегодня... Сейчас! Я все ему расскажу!

* * *

Пленник не сдавался. Бесцветным голосом, словно заведенный, твердил об одном и

том же: алиана сама его спровоцировала. Сама дала повод считать, что он ей интересен. Ни угрозы пыток, ни обещание скорой казни не изменили его признаний.

Вглядываясь в искаженные мукой черты лица узника, в его странно горящие в темноте глаза, Скальде не мог понять: то ли Крейн совсем не боится смерти, а потому продолжает врать. То ли перед ним сумасшедший, живущий в мире собственных извращенных фантазий.

В которых Фьярра могла его желать.

Впрочем, в безумие герцога тальден не верил. Не верил он и во внезапно вспыхнувшее чувство к эсселин Сольвер. Такие люди, как Крейн, – скользкие, хитрые, расчетливые – никогда не пойдут на поводу у эмоций. Им чужды любые страсти, кроме единственной – жажды поживы и власти.

Все то время, пока находился в подземелье, у решетки, отгородившей его от сырой, затхлой клетки – временного пристанища пленника, – Скальде боролся с искушением превратить того в ледяное крошево. Или просто, не прибегая к магии, разорвать подонка в клочья.

Зверь, с рождения живущий в тальдене, рвался наружу. Не просил – требовал дать ему волю. Чтобы самому расправиться с ублюдком, причинившим боль хрупкой, беззащитной девочке. Которую по праву считал своей.

Неимоверным усилием удалось обуздать гнев, унять бешеное биение сердца, разгонявшее по телу кровь. Смертоносным ядом жгла она вены. Наверное, оттого мутился рассудок и ледяная мгла застилала взор.

Поддайся тальден сиюминутной слабости, уступи отчаянному реву зверя, и разнес бы к таграм все подземелье. Тогда погиб бы не только пленник – пострадали бы маги, явившиеся допрашивать Крейна.

Дракон затих, только когда на него перестали давить каменные своды подземелья. Скальде ушел от греха подальше, прежде наказав своим людям разговорить узника во что бы то ни стало. Вытянуть из него правду.

Тальден не сомневался: герцог – всего лишь пешка в руках Хентебесиры. Оставалось выяснить, какую игру затеял князь, зачем пытался выставить Фьярру распутницей. Может, тогда у старейшин наконец откроются глаза. Глупцы продолжали благоволить Игрэйту и считали его вполне приемлемой альтернативой теперешнему правителю.

Беспокойные видения вспышками молний вспарывали туман, клубившийся в сознании: алиана в разодранном платье. Напуганная, дрожащая, с кровоподтеком на лице – следом пощечины. Один на один с животным. С этим темнодольским отродьем.

Его не было рядом, когда она так в нем нуждалась. Слово наяву, как будто все случилось какое-то мгновение назад, Скальде видел слезы, застывшие в небесно-голубых глазах. Отпечатавшийся в них страх.

Если бы не кьерд, если бы не почувствовавшая неладное служанка... Будущее Фьярры стало бы тем самым крошевом, в которое тальден мечтал превратить Крейна.

От этих мыслей дракон внутри снова яростно заворочался, доставляя Герхильду почти физическую боль. Зверя непреодолимо влекло к девушке с мятежным взглядом,

такими чувственными губами, медом пахнущими волосами. Она вся была сладкой, желанной, манящей. Дракон стремился к ней, желал быть с ней. Желал ее.

Того же самого хотел и Скальде. Хоть и опасался чувств, что Фьярра в нем вызывала. Сначала внезапно проявившаяся таэрин. Теперь его зверь сходит с ума. У Ледяных такого не бывает. Никогда.

Это Огненными в выборе пары зачастую руководит живущий в них хищник. Они привыкли полагаться на чувства и инстинкты. Ледяные – на холодный рассудок.

Но рядом с этой девочкой сложно было оставаться холодным и рассудительным.

Быть Ледяным.

Она откликнулась на его поцелуи. Потянулась к нему всем своим естеством, щедро даря тепло, отдавая нежность и ласку. Мягко зарывалась пальцами в его волосы, приподнималась на носочки. Лишь бы быть к нему ближе. А он пил ее дыхание – хмельной, сладкий и такой опасный напиток. Вбирал в себя тихие вздохи-стоны и чувствовал, что с каждой секундой, вместо того чтобы утолить эту сумасшедшую жажду, желает ее все больше.

И Фьярра отвечала ему взаимностью.

Тем неожиданней оказался внезапный холод, которым вдруг повеяло от нее. Резкие слова:

– Это неправильно!

И взгляд, стыдливо отведенный в сторону.

Как будто чувствовала перед ним вину. Как будто что-то от него скрывала.

– С Крейном тоже так было? – В груди полыхнула ревность, которую Фьярра в нем мастерски разжигала. – Сначала позволяла вокруг себя крутиться. Потом, когда надоел, оттолкнула.

Сам не понял, зачем сказал это. Вспылил. Вдруг снова разозлился. Снова увидел перед собой Крейна, испуганно целующего девушку. От этой картины рассудок окончательно помутился. А еще от слов, брошенных безразлично:

– Я устала и хотела бы отдохнуть. Вам в любом случае не следует здесь находиться.

Алиана всем своим видом давала понять, что мечтает избавиться от его общества.

Злость, раздражение, гнев снова кипятком обжигали внутренности. Тальден было ринулся обратно в подземелье. К счастью, вовремя сумел себя остановить. Там он точно свихнется, и тогда Крейн не то что до суда не доживет. Даже исповедаться не успеет.

А Скальде нужны были ответы.

Возле императорских покоев, оглашая пустынную галерею громким храпом, спал стражник, явно позволивший себе лишнего на празднике. По-хорошему следовало

наказать нерадивого охранника, но Герхильд его даже не заметил. Все мысли были о Фьярре. О девушке, лишившей его привычного покоя.

Она была так переменчива, так непостоянна. Как ветер, как море во время шторма. То бежала к нему, то рвалась прочь, от него. Казалось, она с ним играет... А Скальде ненавидел ужимки, уловки и игры. Все то, что так нравилось прекрасным созданиям.

– Что ты здесь делаешь? – бросил раздраженно, заметив в полумраке спальни дожидавшуюся его непрошеную гостью.

Глава 2

Далива мысленно порадовалась, что все так удачно складывается. Она беспрепятственно прошла в покои будущего императора, проскользнув мимо крепко спящего стражника. Раньше, всего каких-то несколько недель назад, в Ледяном Логе перед ней открывались любые двери. Но теперь даже конюхи и повара в курсе, что она больше нежеланна для наследника.

Пришлось подстраховаться. Подговорить пажа, чтобы угостил охранника вином из императорских погребов. Отменный крепкий напиток, в который ее сиятельство предусмотрительно добавила несколько капель зелья, что в последние ночи помогало ей бороться с бессонницей и мигренью.

Скальде не обнаружился ни в спальне, ни у себя в кабинете. В других комнатах его тоже не было, что дало графине время подготовиться к соблазнению.

Далива дрожала. Не то от холода, не то от волнения. А потому подбросила поленья в недра каминов и поворошила кочергой угли. Зажгла свечи, чтобы в комнате стало светлее и в то же время не истончилась вуаль полумрака.

Стоя перед напольным зеркалом, заключенным в тяжелую резную раму, ее сиятельство не спеша ослабляла шнуровку платья. Привычно любовалась своим отражением, подсвеченным огненными бликами. Персиковая кожа в теплом приглушенном освещении казалась дорогим сарийским шелком, отливала золотом. Волосы – что языки пламени, бушующего и жаркого.

Она вся, истосковавшаяся по ласкам Скальде, горела, пылала. Готова была отдаться тальдену сразу, как только он переступит порог спальни.

– Только приди, – шептала, словно молитву. Взволнованно кусала губы, отчего те порозовели и соблазнительно припухли. – Не к ней. Ко мне.

Негромко шелестя, платье соскользнуло с точеных бедер, серебристым облаком укрыло пестротканый ковер. Тончайшая сорочка отправилась следом. На молодой женщине остались только серебряные жгуты браслетов и массивное кольцо – платиновый полумесяц, поблескивавший у самого основания шеи.

Взбив локоны у висков, Далива подарила своему чувственному отражению улыбку и ободряюще сказала самой себе:

– Не устоит. Просто не сможет.

Графиня д'Ольжи понимала: она сильно рискует, собираясь предстать перед тальденом полностью обнаженной. В последнее время Скальде вел себя непредсказуемо и мог запросто взбеситься. С другой стороны, рисковать Далива любила. Чувство опасности горячило кровь, а тело, пока ждала Герхильда, раз за разом охватывала приятная, будоражащая дрожь.

Если зельевар не солгал и духи и в самом деле – сильнейшее возбуждающее средство, пусть Ледяной злится на нее, пусть бесится! Столь сильные, острые чувства, дурманящий аромат духов, вид нагой, готовой ночь напролет ублажать его томной красавицы – и Скальде наверняка уступит соблазну. Главное, снова пробудить в нем безудержное желание. Напомнить, чего лишился, оттолкнув ее.

Далива нанесла по капле волшебного средства на кожу за мочками ушей, ласкающим движением пальцев провела по впадинке меж пышных грудей, сладко ноющих от мыслей о тальдене. Еще одну каплю растерла между запястий. По комнате поплыл цветочный, кружащий голову аромат. Невесомым облаком окутал он графиню, расположившуюся на кровати под темным балдахином.

Единственное, что омрачало настроение молодой женщины, – это воспоминания о недавней ссоре с Хентебесиром. Сами где-то ошиблись, а ее обвинили в том, что не выполнила свою часть сделки! Не дала Сольвер зелье.

– Конечно, дала! – раздраженно воскликнула бывшая фаворитка. – Мне на тагрову алиану уже смотреть противно! И я не собираюсь дарить ей своего мужчину. Только не ей. – Далива приняла соблазнительную позу. Нервно побарабанила пальцами по полукружью бедра и буркнула недовольно: – Надеюсь, духи сработают.

Встрепенулась, когда до слуха донеслись звук отворяемой двери и быстрые шаги. Приподнявшись на локтях, ее сиятельство замерла изящной фарфоровой статуэткой, ожидая, когда тальден войдет в комнату. Вздрогнула, услышав раздраженное:

– Что ты здесь делаешь?

Действовать нужно было быстро. Быстро и решительно. Атаковать ледяную крепость и верить в свою победу.

– Хотела узнать, как ты. Скальде, я очень за тебя переживаю. – Кошкой соскользнув с постели, мягко ступая, Далива приблизилась к тальдену. – То, что произошло... Это было ужасно!

Взгляд, брошенный из-под полуопущенных ресниц, и дрожь, змеей скользнувшая вдоль позвоночника от ответного взгляда.

– А одетой за меня переживать нельзя?

Усмешка неприятно царапнула сердце.

Не желая сдаваться, Далива подалась к магу, пробежалась пальчиками по широким,

твердым плечам, преданно глядя на него и мысленно ликуя – лед в любимых глазах скрадывал туман вождения. Четко очерченные крылья носа тальдена хищно затрепетали – он вбирал в себя дурманый запах, смешанный с мускусным запахом ее тела.

Лаская, Далива огладила ладонями холмики своих грудей, игриво задевая пальцами тугие розовые горошины. Закусила губу, силясь сдержать победную улыбку, заметив, как взгляд Герхильда все больше мутнеет, а сильное тело тальдена становится каменным от напряжения.

Возбуждения и желания обладать ею.

– Я нужна тебе. Хотя бы не обманывай самого себя. Я не позволю тебе сойти с ума. Ни сейчас, ни в будущем. – Приподнявшись на носочках, потянулась к губам мужчины, томно шепча: – Возьми меня. Здесь. Сейчас. Как раньше. Как тебе нравится. Я твоя. Я только для тебя...

И едва не задохнулась от яростного поцелуя, запечатавшего ее искусанные от волнения губы.

* * *

Разгуливать впотьмах по доисторическому сооружению вроде Ледяного Лога – сомнительное удовольствие. И времяпровождение так себе. Мне повсюду мерещились привидения. В холодном лунном свете, струившемся в окна. В темных глубинах залов и галерей, безжалостно обдуваемых сквозняками. В расставленных вдоль стен рыцарских доспехах, скрежетавших как-то уж совсем зловеще.

Умом понимала: это всего лишь расшалившийся ветер. Или мыши рассматривают допотопную амуницию на предмет нового места жительства.

Наверное, я бы даже обрадовалась, если бы какой-нибудь стражник, несущий ночную вахту, преградил мне дорогу и настоял на том, чтобы препроводить «заблудившуюся» эсселин обратно в ее покои. Но странное дело, пока шла на исповедь к его собственничеству, на глаза не попало ни одной живой души.

К счастью, то же самое могу сказать и о мертвых. Если в Ледяном Логе и водились призраки, то я пока не имела счастья с ними познакомиться. Надеюсь, так будет и дальше. Хватит с меня потрясений и переживаний. Теперь пусть Герхильд переживает и потрясается. От моих признаний. Чувствовать ему полезно. А мне полезней всего будет во всем сознаться. Только бы Блодейна раньше времени не поняла, что Скальде знает. Не прощу себе, если пострадает Леша! Или мама с бабушкой...

Эта мысль, уже бесконечно долго точившая мое сознание, заставляла замедлять шаг, оглядываться назад, кусать в волнении губы и еще отчаянней желать быть обнаруженной.

Но бравых вояк нигде не было видно. Никак не напируются.

Исповедоваться этому фиг-кто-отнимет-мою-добычу было страшно. Я боялась не столько за себя, сколько возможных последствий, которые, не дай бог, придется расхлебывать Леше.

С другой стороны, Скальде ведь не какой-нибудь сопливый маг-недоучка. Тальден как-никак. Будущий правитель. А Блодейна пусть и супервумен, но и на такую, уверена, найдется управа.

Главное, чтобы понял. Чтобы не оттолкнул...

В покоях наследника мне прежде, в отличие от одной златогривой бестии, бывать не приходилось. Лишь однажды видела широкие резные двери, закрывавшие вход в святая святых. Нам их продемонстрировала эссель Тьюлин, когда проводила экскурсию по Ледяному Логу. И сказала, что после женитьбы (в случае, если Герхильдова избранница не финиширует в саду в виде ледяного изваяния) новоиспеченный правитель и его новоиспеченная ари переберутся этажом выше. В покои, которые раньше занимали император с императрицей.

Интересно, отчего они умерли? Скальде едва перевалило за тридцать, значит, и родители его были еще достаточно молоды. Для тальденов и алиан пятьдесят-шестьдесят лет – не возраст. И тем не менее прежние правители ушли из жизни.

При виде стражника, выводящего рулады у заветных створок, я испытала двойственное чувство: радость, что все складывается так замечательно просто, и тревогу, а вдруг своим признанием сделаю только хуже.

И вообще, может, Скальде уже десятый сон видит. Или, что более вероятно, злющий лежит в своей кровати и считает перепрыгивающих с облачка на облачко дракончиков, борясь с бессонницей. А тут я нарисуюсь с душеспательными историями. И раздраконю его еще больше.

Повернула было обратно, но тут же отругала себя за малодушие. Наверное, тело накладывает на сознание отпечаток. Еще немного, и тоже превращусь в трусику, какой была Фьярра.

Горячо попросив Фортуна в порядке исключения хотя бы сейчас не поворачиваться ко мне филейным местом, на цыпочках, стараясь не производить ни звука, пересекла галерею, оглашаемую храпом, приумноженным гулким эхом.

Укоризненно покачала головой, поравнявшись с явно пребывавшим подшофе охранником (много он в таком состоянии здесь наохраняет), уперлась ладонями в прохладное дерево и бесшумно скользнула в полумрак незнакомой комнаты.

Словно мотылек полетела к свету, к манящему теплу каминов. К нему... К своему теперь уже любимому дракону, к которому меня тянуло, словно он был гигантским магнитом, а я – ничтожной песчинкой металла.

Шаг, другой. Сердце ускоряло ритм, стучало оглушительно громко. Но не от страха. От радости, что наконец сброшу с себя груз обмана. Наконец все ему расскажу. Признаюсь во всем. И самое главное тоже скажу. Что я его лю...

Мысль рассыпалась пеплом. И глупый мотылек, опалив крылья, теперь трепыхался в агонии, сгораемый в пожаре собственных чувств.

Их было слишком много. Слишком много смятения, обиды. Злости. Они обрушились в одночасье. Выжгли все внутри смертоносным пламенем. И продолжали жечь, превращая меня в жалкие угольки. И сердце, обожженное, кровоточащее, почернев, рассыпалось невесомыми хлопьями.

Когда увидела его.

Их...

Тальден не спал. Не страдал бессонницей и не пересчитывал дракончиков. И ревностью тоже больше не мучился. Нельзя ревновать и при этом так крепко, так страстно сжимать в объятиях совершенно голую б... Ну пусть будет графиню.

Будто во сне, в своем ожившем кошмаре, я видела, как д'Ольжи бесстыдно к нему прижимается. Отвечает на сумасшедшие поцелуи, растекается липкой лужицей от беспорядочных, жадных ласк. Жмурится и едва не мурлычет от удовольствия, все больше распаяя своего господина.

Вон и рубашка уже по швам трещит. Интересно, успеют хоть до кровати добраться? Или прямо на полу распластятся?

Меня затошнило. Вздогнула, почувствовав на себе скользкий взгляд ядовитых зеленых глаз. Будто гадюка по лицу проползла, царапнув мне кожу омерзительной чешуей. А может, и не заметила меня эта выдра...

Я отшатнулась, мечтая убежать и в то же время борясь с желанием ворваться в спальню и оттащить змеючку за волосы. Все их к чертям собачьим повывидать!

Ох, как же давно я об этом мечтала... Но... кто я такая, чтобы закатывать сцены ревности? Я ему не жена. Не его ари. Я и невеста-то фальшивая. Такая же фальшивая, как и чувства этого мужчины.

Впрочем, кого обманываю – не было никаких чувств. Так, возможно, влечение. Спортивный интерес. Герхильд ведь Ледяной. А Ледяные, как известно, не умеют любить.

Пусть Далива топит лед его сердца хоть до конца света. А я...

Я постараюсь свое сделать ледяным.

– Анна... Аня, нам надо поговорить, – звучало подозрительно мягко, медом, только что выжатым из сот, растекаясь по моему сознанию. – Аня-а-а... – Теплота в голосе сменилась колючим морозцем. – Да проснись же ты!

– Я не сплю, – буркнула в наволочку, всю мокрую от слез (надо же, сколько во мне, оказывается, помещается жидкости), и еще крепче обняла подушку, не желая поворачиваться к раскипятившейся шантажистке.

– Я знаю о том, что произошло между тобой и этим герцогом.

– Очень за тебя рада.

Зажмурилась, и слезы прозрачными дорожками снова принялись расчерчивать мое пылающее, как факел, лицо.

Не удивлюсь, если от всех этих переживаний у меня подскочила температура. Я чувствовала себя проснувшимся вулканом, даже несмотря на то, что сердце заиндевело.

– Не плачь, – прошелестело над ухом... ласковое. – Хочешь, накажу его? Заставлю заплатить за каждую твою слезу!

Последнее прозвучало ну очень кровожадно и было весьма неожиданно. Даже боль, голодным шакалом вгрызавшаяся не только в рваную плоть, все еще вяло трепыхавшуюся в груди, но и в воспаленное сознание, на время меня оставила. Ее вытеснило удивление.

Я точно с Блодейной разговариваю? Или уже помешалась на почве сердечных переживаний и вижу галлюцинации?

Сморгнув дурацкие слезы, которые успела возненавидеть так же сильно, как этого драконистого кобеля с его породистой сукой, перевернулась на спину. Сквозь соленую пелену, заставшую глаза, различила зависшее над кроватью псевдопривидение. Лицо бледное (хотя в полупрозрачном состоянии оно у Блодейны всегда такое), губы – сплошная резкая линия. Глаза... Но лучше не будем о глазах. Они у ведьмы были жуткие. Метали копья, стрелы, молнии и файерболы. Если бы гнев морканты был нацелен на меня, я бы тут же превратилась в симпатичные белые косточки. Или, что более вероятно, рассыпалась пеплом.

Впрочем, я и так уже была этим самым пеплом. За что большое спасибо его блудливости Герхильду! Не вышло с одной, быстренько произвел рокировку и уединился с другой.

Что тут скажешь, кобель – он и в Адальфиве кобель.

– С герцогом и без тебя разберутся.

Я устало откинулась на подушки, мысленно посылая призрачную ведьму к тальдену и его шлюшке. Там от Блодейны толку было бы больше. Запугала бы сладкую парочку до икоты, чтобы кое-кто еще долго не мог почувствовать себя мужчиной. Но не рассказывать же морканте, из-за чего на самом деле страдаю и лью слезы.

Колдунья присела на краешек кровати, гипнотизируя меня заботливым взглядом. Это было дико, странно и заставляло нервничать. А когда она потянулась к моей руке,

чтобы одарить ее своим прикосновением... Будто кубиком льда провели по коже.

– Ау, прием, я не Фьярра, – вжалась в спинку кровати и руки предусмотрительно сунула под одеяло, только бы она от меня отстала. – С ней будешь играть в дочки-матери.

– Я просто за тебя переживаю, – насупилось лжепривидение. Не дав мне времени переварить это сногшибательное заявление, морканта пошла в наступление: – Почему не сказала, что Крейн – двойник Леши?!

– А разве это так важно? – напряглась внутренне.

Если сейчас опять начнет угрожать мужу...

Блодейна сардонически усмехнулась:

– Не удивлюсь, если сама его и спровоцировала.

И эта туда же.

– Никого я не провоцировала! – огрызнулась вяло. – И вообще, старалась держаться от Крейна подальше. Черт его знает, чего ко мне прицепился.

Судя по тому, что брови ведьмы превратились в одну сплошную полосу и расходиться как в море корабли не спешили – мне не поверили.

Ну и демоны с ней. Только бы снова не принялась за старое – не сыпала угрозами в адрес Лешки.

– Покажи его, – несмело подняла на морканту глаза. – Мужа... покажи.

Блодейна нахмурилась еще больше, отчего на сером, будто выцветшем, лбу залегла глубокая складка, что явно не придавало ей очарования, и отрицательно покачала головой.

– Пожалуйста, – попросила тихо. – Ну что тебе стоит? Я просто хочу знать, что с ним все в порядке.

Хоть с одним из нас все хорошо.

– С ним все в порядке, – эхом отозвалась колдунья.

– Мне нужно самой в этом убедиться, – сказала уже тверже.

Морканта еще немного похмурилась, поартачилась, а потом повелительно взмахнула белесой рукой, и пространство передо мной разломила напополам ослепляющая вспышка, будто в нескольких сантиметрах от моего лица полыхнула молния.

В Москве тоже была ночь или, если судить по розоватому свечению, пробивавшемуся в щель между неплотно задернутыми шторами, – занимался рассвет. Муж спал, широко раскинув руки, со сбившимися к ногам простынями и с таким безмятежным, умиротворенным выражением на лице, что я не сумела сдержать улыбки.

От сердца сразу отлегло. Главное, жив-здоров и Блодейна не воплотила в жизнь ни

одну из своих премерзких фантазий: не выпихнула Лешку под машину и не свела его с ума.

А может, она и не собиралась ничего такого с ним делать. Так просто, меня запугивала для простоты дрессировки. Или Фьярра без памяти влюбилась в Воронцова – а в такого, как он, не влюбиться невозможно – и будет хранить моего мужа как зеницу ока от своей кровожадной наставницы.

Странно, но в постели рядом с Лешей никого не было.

– А где твоя воспитанница? – Я даже села на кровати и теперь ерзала, как будто мне под простыню подложили ежа. – Они что, не того...

Сердце или, вернее, его останки рвали на куски противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось рассматривать каждую черточку мужа, раз уж выпала такая возможность. Ведь это лицо родного человека – нить, что связывала меня с домом и со всем, что мне дорого. С другой – глядя на Лешу, казалось, смотрю на помолодевшего Крейна, преспокойно дрыхнувшего в моей... нашей постели.

Кошмар какой-то!

– Так что там с Фьяррой? – не спросила, потребовала объяснений, вдруг почувствовав, как удушающе жаркой волной на меня обрушивается волнение.

Увиденное не могло оставить равнодушной. Ни поразительное, вызывающее во всем теле дрожь сходство Блейтиана и Лешки. Ни уж тем более отсутствие Фьярры на супружеском ложе.

Видение померкло, и свет, вспоровший пространство, поглотил чернильный сумрак ночи.

– Не бойся, тело твое цело и невредимо, – это вместо объяснений. – Фьяррочка о нем заботится, холит и лелеет. Даже похудела немного.

Это что еще за гнусные намеки? Я, между прочим, была в идеальной форме! В отличие от этой сушеной воблы.

– Я не о теле беспокоюсь.

А о том, что там между ними, черт возьми, происходит! Неужели догадался, что Фьярра не я, и отправил эту воровку чужих тел и мужей куда подальше? Вопрос: куда? Точно не к моим маме с бабушкой. Хотя Блодейна наверняка подстраховалась и не бросила свою кровиночку на произвол судьбы, нашла, куда ее поселить.

Что, если Леша все это время был мне верен, а я... в мыслях уже не раз ему изменила. А теперь еще, глядя на него, только и думаю, что о Крейне. И что самое страшное, всего каких-то несколько часов назад, позабыв обо всем на свете, я целовалась с другим мужчиной, мечтая слиться с ним и душой и телом.

Но не прошло и часа, как этот другой мужчина слился телом с графиней.

– Аня, успокойся и сосредоточься на отборе, – тем временем вещал призрачный «приемник». – Половина испытаний успешно пройдена. Уверена, с остальными тоже справишься с легкостью. И сразу, обещаю, вернешься домой.

Не хочу я больше ни с чем справляться. Лучше сделаю все возможное и невозможное, чтобы в кратчайшие сроки уехать из Ледяного Лога. Оказаться как можно дальше от его подмороженного хозяина и этой конопатой подстилки.

Вот только сомневаюсь, что Блодейна меня поддержит и даст благословение на диверсию. Ладно, буду, как говорится, действовать по обстоятельствам. Может, Герхильд, увидев, что я больше не проявляю к нему симпатию, а только лишь одну стойкую антипатию, сам меня отсюда турнет.

Хорошо бы...

Если нет, постараюсь ненавязчиво ему в этом помочь. Но так, чтобы ведьма ни о чем не догадалась.

Н-да, непростая предстоит задачка.

– Ну все, перестань шмыгать носом, – вырвала меня из раздумий «наставница». – Тебя ведь спасли? Спасли. Значит, ничего страшного не случилось.

Кое-что страшное все-таки случилось. А может, и сейчас случается, в спальне одного отороженного мерзавца.

«Пусть подавится и отравится его силой, гадина!» – от души пожелала я графиньке и проводила взглядом морканту, расползающуюся по комнате сероватой дымкой.

После ухода Блодейны еще долго лежала без сна, ругая себя за чувства, которым не должна была давать волю. Испытывать которые не имела права.

Ведь все не по-настоящему. Я в сказке, которая рано или поздно закончится. Надо напоминать себе об этом почаще и не забывать, что я в любой момент могу возвратиться в реальность.

Глава 4

В реальность – правда, не в ту, в которую стремилась, – вернулась даже раньше, чем рассчитывала. Мабли разбудила меня пусть и не с первыми петухами, но уж точно с первыми лучами медленно, будто нехотя, выползавшего из-за горизонта солнца. Не спорю, здесь светает поздно, и мне бы молчать в тряпочку и не жаловаться, усни я вчера рано и всю ночь проспи сном праведника. Тогда бы сейчас была бодренькой как огурчик. Свежесорванный, с грядки. А так ощущение, будто меня долго мариновали в бочке.

Я вся была вялой, словно завалившийся в холодильнике пучок прошлогодней петрушки. Голова, полная сумбурных мыслей, тяжелая, точно гранитное надгробие, никак не желала расстаться с подушкой.

Вот ведь странные ассоциации. То о погосте думаю, то о несвежих продуктах. Здесь явно требовалось вмешательство специалиста. Жаль, в Адальфиве психологи не водятся.

Служанка вырвала меня из беспокойного сна, в котором Крейн нападал снова и снова. А Герхильд просто стоял в сторонке (как всегда, бессовестно отмороженный) и наблюдал за моими отчаянными попытками вырваться из железной хватки насильника. Далива тоже крутилась рядом, награждая меня победоносными взглядами. И Блодейна бестелесным духом парила под сводами каменного зала, укоризненно качая головой. Будто это я собиралась надругаться над Крейном, а не он надо мной. Никто из свидетелей этого абсурдного кошмара не пытался спасти и защитить бедную алиану.

С трудом разлепила припухшие от слез веки. Полагаю, в ближайшие часы лучше нам с зеркалом не встречаться. Оно моему лицу категорически противопоказано. Мало того что скула подсвечена, так теперь еще и глаза – что два красных шарика в ореоле сплюснутых век.

– Почему так рано?

– Старейшины решили провести незапланированное испытание, – скорбно возвестила Мабли.

Миссия придать телу вертикальное положение с треском провалилась, когда на кровать запрыгнул Снежок. Кьерд по-хозяйски обеими лапами придавил мою грудную клетку к матрасу. Мол, лежи давай, куда собралась. Вольготно на мне устроился, зевнул во весь рот, после чего зажмурился и заурчал довольно, всем своим видом показывая, что собирается спать вот так, поперек хозяйки, и никак иначе.

– Сегодня же первое января. – Я устало прикрыла глаза-щелочки, горячо мечтая, чтобы Мабли куда-нибудь провалилась и оставила меня наедине с моим воспитанником. Под его успокаивающее урчание я моментально усну, и мне наверняка приснится что-нибудь хорошее. Пусть и ненадолго, но убегу из Ледяного Лога. От чувств, которыми, будто зерно формалином, было протравлено мое сердце. – То есть первое марта. Или как там у вас этот месяц называется... Короче, какие еще, к таграм, испытания? Праздник же.

– Зарьяный, – просветила меня девушка. – Первый месяц весны называют зарьяным. – Поправляя сбившееся одеяло, добавила: – Вообще-то ничего такого проводить не собирались. Но вчера на пиру один из старейшин, эррол Корсен, предложил устроить невестам дополнительную проверку, и всем идея понравилась.

Тоже мне, массовик-затейник.

Наверное, что-то такое отобразилось у меня на лице. Мабли принялась фальшиво улыбаться и наигранно бодрым голосом частить:

– Не переживайте, ваша утонченность, никого из невест сегодня не исключат. Это так, промежуточный этап. Ничего серьезного.

А лучше бы исключили. Меня.

– И как будут проверять? – поглаживая кьерда по холке, хмуро поинтересовалась я. Снежинки, срываясь с мягкой шерстки, осыпались на простыни; таяли, бесследно

исчезая на моих ладонях. – Заставят крестиком вышивать? Или, может, пожелают, чтобы ковры им ткали да хлебы праздничные пекли?

– Каждый первый день месяца его великолепие принимает в Ледяном Логе просителей, которые съезжаются в столицу со всех уголков империи. Ее лучезарность императрица Энора всегда помогала своему супругу, императору Гвенегану, разрешать тяжбы подданных. Вместе они выслушивали жалобы и прошения и сообща принимали решения. Вот старейшины и подумали, что хорошо бы посмотреть, как каждая из невест поведет себя на месте покойной правительницы.

Еще совсем недавно я чувствовала себя надломленным коромыслом. От того что тело не слушалось, было как будто одеревеневшим. А теперь пришло осознание, что никакое я не коромысло. Я кролик. Подопытный кролик. Или лягушонок, которого сегодня будут препарировать взглядами все кому не лень.

Не знаю, благодарить за «праздничную программу» старейшин или, быть может, Герхильда. Сам всю ночь с этой шлю... плюшкой в кровати кувыркался, а нам с девочками за него целый день отдуваться. Его работу выполнять, пока этот дракон драконский будет отсыпаться.

Какое же все-таки гадство.

– А нельзя ли как-то увильнуть от чести поиграть в императрицу?

Я с надеждой посмотрела на Мабли. Может, что дельное подскажет. Не до Герхильдовых подданных мне сейчас. Тут бы со своими проблемами разобраться, а они хотят переложить на мои плечи еще и чужие. Да и как я, вся такая разукрашенная, людям на глаза покажусь?

Будто прочитав мои мысли, Мабли с улыбкой сказала:

– Тут эррол Хордис приготовил для вас бальзам целебный. Всю ночь не спал, чтобы к утру поспеть. Говорит, все пройдет, будто не было ничего.

Интересно, а если я им не намажусь, а приму, так сказать, перорально, память получится подлечить? Стереть кровоподтеками отпечатавшиеся на душе воспоминания о тальдене и его постельной грелке.

– Спасибо.

Я грустно улыбнулась, тщетно пытаюсь выбраться из-под кьерда. Нет, никакой он уже не котенок, а самый настоящий тигренок. Растет не по дням, а по часам.

– А что я? – Мабли пошарила рукой в кармашке крахмаленного до хруста передника и извлекла на свет божий миниатюрный пузырек темного стекла. Вытряхнула на ладонь горошину густой, как крем, зеленоватой субстанции с резким травяным запахом и, едва касаясь моего лица, осторожно распределила бальзам по щеке. Не забыла пройтись по синякам на плечах и шее, оставленным жесткими пальцами Крейна. – Это эррол Хордис у нас кудесник. Я всего лишь выполняю его распоряжение.

– Спасибо за то, что выпустила вчера Снежка. И Скаль... его великолепие предупредила. Если бы не ты...

Глаза снова предательски защипало. Я покрепче обняла кьерда – своего главного защитника и утешителя. Лучшего мужчину в моей жизни. Поняв, что сейчас его будут тискать, Снежок воспротивился такой перспективе. Вырвался из рук и с самым независимым видом перебрался к изножью кровати, чтобы улечься в гордом одиночестве в складках одеяла.

Подбросив поленьев и позволив бутонам пламени, как в цветниках, раскрыться в каменных недрах каминов, Мабли отправилась в купальню нагревать воду с помощью артефактов. А я еще немного полежала, чувствуя, как от чудо-мази слегка пощипывает кожу, и надеясь, что вдобавок ко всему прочему не покроюсь пятнами.

Не хочу еще и своим видом поднимать настроение ее чертовому сиятельству.

– Может, принести завтрак в комнату? – часом позже, заплетая мои волосы в толстые косы, предложила Мабли. С ловкостью, достойной фокусника, закрутила их на манер улиточного панциря, спрятав под косами мои уши, а сами «панцири» уложила под усыпанные жемчугом сетки.

Пока девушка возилась с прической, я флегматично разглядывала свое отражение. Хордис не обманул, отек спал почти мгновенно, и прямо у меня на глазах кожа приобретала свой прежний оттенок – становилась по-аристократически бледной, если не считать легкого румянца на щеках.

Синяки на шее тоже поблекли, только веки по-прежнему оставались припухшими, откровенно свидетельствуя о том, чем я занималась всю прошлую ночь.

– Ну так что, лучше сюда принесу? – Закончив с прической, Мабли придвинула ко мне шкатулки с украшениями.

– Нет, позавтракаю со всеми.

Зачарованную булавку я прицепила к платью, как только его надела. Пусть брошка не сочеталась цветом с малахитовым нарядом, но я теперь без антипривязки ни шагу. Если понадобится, впаяю ее в себя. Чтобы было легче выпаять из сердца тальдена.

Кстати, об этой нечисти. Не успела вспомнить о Герхильде (можно подумать, я о нем забывала...), как дверь в спальню после короткого, показательно небрежного стука распахнулась, явив моему мрачному взору его лицемерность. Просканировав меня пристально-холодным взглядом от макушки до кончиков пальцев, от чего по телу забегали мурашки, дракон попросил Мабли оставить нас тет-а-тет.

Служанка повиновалась, хоть и без особого рвения. Поклонилась и бесшумно выскользнула за дверь.

А я даже не шелохнулась. Не поднялась, чтобы поприветствовать вельможного жениха реверансом. Сидела, прямая и напряженная. Смотрела на Герхильда, а видела перед собой комнату, утопавшую в золоте свечей, и двух страстно целующихся любовников. Слышала, как распадается крошечком под нами камень пола. Расползается смертельной раной, щерится острыми сколами, и я оказываюсь на одной стороне пропасти.

А тальден – на другой.

* * *

Сложно сказать, сколько так просидела – заледеневшая, словно сосулька на краешке карниза, обдуваемая студеным ветром, непонятно откуда взявшимся в жарко натопленной комнате. А все Герхильд. Это он принес стужу в мою жизнь. Сначала заморозил мне сердце, теперь явился испытывать на прочность льдину у меня в груди, а заодно и мои нервы.

Тальден молча ощупывал меня взглядом. Лицо, застывшее венецианской маской. Замершую изваянием фигуру. И в упор не замечал или не желал замечать молнии в моих глазах.

Я сдалась первой, не выдержав пытки молчанием.

– Ваше великолепие, – сказала, как выплюнула, – у вас появилась скверная привычка неожиданно здесь появляться, без спроса врывать в мою спальню.

Кажется, его драное драконство рассчитывал на более радушный прием. Сначала дернул бровями, выказывая удивление, потом нахмурился, проявляя недовольство.

Смотрите-ка, оказывается, наша венценосность еще и недовольна! Пусть скажет спасибо, что встретила его просто прохладно, а не огрела по темечку раскаленной кочергой, как он того заслуживает. Или не долбанула по причинному месту все той же полезной в хозяйстве утварью. Чтобы по ночам спал, как все нормальные люди, а не с этой... тоже спал.

На душе снова скребли кьерды.

– Я не врвался, просто вошел. – В голосе рассыпалась ледяная крошка. Видать, не привык к подобным приемам.

– А если бы я была голой?

– Ну вы же не голая.

Вот она, мужская логика.

– Что с вашими глазами?

Несколько почти неразличимых шагов, приглушаемых густым ворсом ковров – будто хищник крадется, а потом замирает, чтобы в следующий момент наброситься и растерзать.

– Соринка попала.

Хотя, судя по тому, что упорно демонстрировало мне зеркало, в глаза опрокинули все содержимое мусорного ведра.

Близость Скальде заставляла нервничать, путала мысли. И злость на тальдена, желание все ему высказать заглушала тупая ноющая боль.

Хотелось, чтобы скорее ушел, и больше его не видеть.

Я спрятала взгляд, чувствуя, как льдина в груди трескается и начинает кровоточить. Смотреть на него – самая изощренная пытка. Вглядываться в резкие, идеальные, будто созданные античным скульптором, черты лица. Теряться в сумраке серых, как предгрозовое небо, глаз. Скользить взглядом по губам. Сейчас они казались тверже камня, а прошлой ночью были мягкими, обжигающими...

– Я хотел извиниться за вчерашнее, но вижу, что вы не в духе, – выдернул меня из этого ненормального наваждения, чтобы окунуть, как в прорубь, в холод своего голоса.

Такого же ледяного, как и его обладатель. А несколько часов назад шепот опалял сумасшедшим пламенем.

Но то было вчера. До того, как он и она...

Не в духе я? Ну, это мягко сказано. Да я его на лоскутки готова порвать! Разодрать на мелкие клочки. Расщепить на ворсинки и на все остальные мельчайшие частицы!

А еще так и чесались руки чем-нибудь метнуть в Герхильда. Чем-нибудь потяжелее, вроде ночного горшка. Жаль, не привыкла пользоваться им по назначению. Тогда бы «снаряд» получился еще интереснее. Язык тоже чесался – хотелось высказать, выплеснуть на мерзавца все, что жгло, как крапивой, душу.

В общем, так себе из меня ледышка. Алиана тоже вышла никудышная. Фьярра на моем месте, да и любая другая невеста, застав Герхильда за этим делом, просто пожала бы плечами и пошла заниматься своими делами. Впрочем, никакой другой алиане и в голову бы не пришло ночью тащиться в покои наследника. Останься я вчера у себя, и сегодня боль не обглаживала бы с такой жадностью мои косточки. Умом понимаю, что Далива ему нужна, чтобы до свадьбы дожил и не свихнулся. А сердцем...

Хотя нет, не понимаю. Не могу простить, принять и смириться. Ведь сказал же, что больше они не вместе, и за язык его никто не тянул. А я поверила. Наивная.

Горько усмехнулась своим мыслям. Ну какой мужик откажется от такой красавицы? Вот и Герхильд не отказался. А значит, пусть к ней и катится. А я покачусь к Леше. Как только отыграю навязанную мне ненавистную роль императорской невесты.

– Мне жаль, что так вышло, – заглушила водопадом низвергающиеся мысли банальная фраза.

Я, открыв было рот, чтобы обвинить тальдена в том, что вешал мне лапшу на уши, посоветовать ему возвращаться к своей графиньке, а меня оставить в покое, опешив, тут же его захлопнула. Как у Ледяного, оказывается, все просто. Поманили, соблазнили – не устоял. Думает, достаточно просто извиниться – и дело закрыто. Он оправдан по всем статьям.

– А мне-то как жаль...

Скальде был рядом. Слишком близко. Окружающая обстановка стиралась, когда он оказывался в нескольких шагах от меня. Вот как сейчас. И воздуха в легких

катастрофически не хватало. Почувствовав, что голова начинает кружиться, я поднялась, чтобы окунуться в потоки света, бьющего в окна. Щурясь от непривычно яркого солнца, прошлась взглядом по заснеженному саду, в котором, будто звезды на небе, только почему-то белом, поблескивали прохладной голубизной статуи замороженных ари.

– Вместо того чтобы побеспокоиться о твоём самочувствии, я набросился на тебя. И потом был резок. Я был зол, Фьярра. Но не на тебя. На Крейна.

Колени дрогнули. Вцепилась в одну из витых колонн, обрамлявших окна, ногтями царапая шероховатый камень. Ах, вот за что пришел извиняться... Я-то, глупая, решила, что это была неудачная попытка объясниться, что именно голая девица забыла у него в спальне и почему он так исступленно сжимал ее в объятиях.

– Обещаю, что теперь буду сдерживаться и целовать тебя только с твоего разрешения.

Я не видела лица Ледяного, но почувствовала его улыбку. Непонятно, то ли так нагло издевается, то ли для этого варвара ублажать всю ночь одну, а потом шутить с другой в порядке вещей.

К горлу подступил горький комок, будто весь обросший шипами.

Обернувшись, тихо сказала:

– То есть никогда. – Мои слова, словно теннисный мячик, отскочили от толщи льда, в которую тут же превратился тальден. – При всем моем к вам уважении, – а его у меня и в помине не было, – вы не имели права меня касаться, ваше великолепие. Я не ваша ари, а всего лишь одна из участниц отбора. Приходя сюда, вы порочите мое имя. Или решили, раз Крейн насильно целовал меня и душил в объятиях, то и вам можно? Так вот, мне были неприятны прикосновения герцога. И ваши... Их я тоже не хочу!

Тишина оглушала. А голос, налитый безразличием, перекрыл все остальные звуки: треск пожираемых пламенем поленьев, жалобные постанывания ветра за окном, возню Снежка, упорно пытавшегося достать что-то лапой из-под приставленного к камину кресла.

– Значит, игра продолжается? – На губах жесткая усмешка. – Только непонятно, Фьярра, чего ты добиваешься? Сначала раздрадила, несколько недель настойчиво привлекала к себе внимание. Теперь строишь из себя недотрогу. И вчера, когда я тебя целовал, было не похоже, что тебе не нравилось. И ты не вспоминала про свое доброе имя.

Занавес. И как можно было в такого влюбиться...

Комок из слез вырос до размеров солнца, сверхновой вспыхнувшего у меня в горле.

– Возвращаясь к теме ваших неожиданных визитов. – Голос звучал непривычно глухо и хрипло. – Лучше забудьте сюда дорогу. К другим алианам ведь не ходите. Вот и ко мне больше не стоит. А еще лучше... – Сердце ухнуло куда-то вниз, кажется, провалилось под фундамент Ледяного Лога, но я все же нашла в себе смелость и твердо выговорила: – Разорвите со мной помолвку.

Услышь меня сейчас Блодейна, раскатала бы в лепешку. Коровью или пшеничную – без разницы. Во что-то плоское и не совсем живое.

Судя по отливавшему свинцом взгляду Герхильда, он подумывал о том же – расплющить меня к чертовой бабушке о любую твердую поверхность.

Но вместо этого, облачившись в ледяную броню, сказал, будто приговор вынес: пожизненное заключение, электрический стул, гильотина – все вместе.

– Не разорву. Ты согласилась на отбор и будешь в нем участвовать. Пока я сам тебя не отпущу.

Тиран. Супостат. Деспот.

Тальден развернулся и, уходя, небрежно бросил напоследок:

– Готовьтесь к испытанию, эсселин Сольвер. И можете быть спокойны: я забуду сюда дорогу.

Глава 5

После ухода Герхильда я еще долго не находила себе места. Была взвинчена до предела. Потому что кое-кто наглым ржавым болтом ввинтился мне в сердце, а вывинчиваться обратно особенно не спешил, распространяя по всему телу коррозию боли, обиды и злости.

«Пока я сам тебя не отпущу», – взвилось в памяти огненно-дымовым столбом, какой бывает во время ядерного взрыва.

Надеюсь, еще парочка таких взрывов, и у меня внутри наконец наступит ледниковый период.

– Отпустишь. Еще как отпустишь. Куда ты денешься! – воинственно цедила я, пока возилась с изумрудным ожерельем, никак не желавшим брать в плен мою шею. То ли застежка была повреждена, то ли из-за нервной дрожи, коловшей пальцы, те отказывались мне повиноваться.

К ожерелью прилагались массивные сережки, заметно оттянувшие мочки ушей, отчего я стала похожа на девочку-туземку. И пусть в зеркале по-прежнему отражалась белокожая блондинка с прозрачными, как родниковая вода, светло-голубыми глазами – истинная дочь севера, – темное облако гнева, наползшее на лицо, превращало меня в моем воображении в уроженку какого-нибудь дикого африканского племени.

С каким удовольствием я бы станцевала победный ритуальный танец на останках Герхильда!

Гр-р-р...

Запястья кандалами сковали широкие браслеты, поверх которых я нанизала еще несколько тонких серебряных обручей. Все в камешках, все блестят. Если долго на них смотреть, глаза начнут слезиться. Повывлаивала из шкатулок перстни. Теперь пальцы, как в броню, закованные в благородный металл, потеряли свою природную подвижность.

Ледяной у нас любитель естественной красоты и скромности? Вот пусть Даливочку свою наряжает невинной пастушкой и устраивает с ней ролевые игры. А я буду брать пример с Керис. Алиана я или как? И очень надеюсь, что при виде меня у тальдена задержатся оба века.

Где тут у нас коробочка с помадой? Прimitивный аналог современной: пчелиный воск, смешанный с растертыми ягодами. Добавим-ка лицу ярких красок.

Добавить я ничего никуда не успела. Вернувшись Мабли с таким подозрением на меня посмотрела, что пришлось отлупить и от коробочки, и от зеркала.

Я, конечно, очень хочу поразить и впечатлить Герхильда. В самом негативном смысле этих глаголов. Но не стоит забывать и об осторожности. Мабли очень проницательна, этого у нее не отнять. И по-прежнему верой и правдой служит морканте. А меня слушается и помогает прятать от Блодейны кьерда лишь потому, что я убедила ее в своем намерении пройти отбор до конца, не запятнав славное имя Сольверов. Если поймет, что собираюсь саботировать помолвку, у меня (или у Снежка) могут возникнуть новые проблемы.

– Вы же не любите наряжаться, – облекла мои опасения в слова служанка.

– Сама сказала, что на подобных церемониях, когда нужно было принимать подданных, императрица Энора всегда блистала, – не растерялась я.

– Да, но...

– Я просто настраиваюсь на испытание. Сливаюсь с образом, так сказать. – Погладив Снежка и ощутив, как отравленное изменой чувство к Ледяному на какой-то миг вытесняют нежность и безграничная любовь к питомцу, я не удержалась: подхватила своего храброго защитника и чмокнула его в снежную холку. Кьерд протестующе замыкал, требуя вернуть его туда, откуда взяли. Что я и сделала. И сразу рванула к выходу, пока Мабли от подозрений не перешла к озвучиванию догадок. – Умираю от голода. Наверное, это из-за волнения.

– Я затем и пришла. Сказать, что завтрак подан и все невесты уже в Карминовой столовой... Пойдите! – крикнула девушка. – Нельзя появляться на официальных церемониях без головного убора!

В любое другое время я бы не обрадовалась рогатому произведению шляпного искусства, коих в гардеробе Фьярры водилось бесчисленное множество. Но сейчас безропотно вернулась в кресло, темневшее возле туалетного столика, и позволила служанке увенчать мне голову раздвоенным энненом из светлого муслина, за которым шлейфом тянулась тончайшая, невесомая, словно сотканная из самого воздуха вуаль.

Алианы встретили меня траурным молчанием, как будто видели перед собой не княжну Лунной долины, внешне полностью оправившуюся от попытки изнасилования, а ее неупокоенный дух, явившийся для того, чтобы портить им всем аппетит. Молчанию

сопутствовали сочувственные взгляды, расстроено закушенные или поджатые губы и даже слезинки, застывшие в грустных глазах. Керис одарила меня соболезнующим вздохом, а Рианнон понуро опустила голову, сосредоточив все свое внимание не то на золоченой тарелке, не то на цветочном узоре, вившемся по блестящему шелку скатерти.

Тишина, будто напильником, истончала прутья моих нервов.

– Чего это ты вдруг, Сольвер, так вырядилась? – спустя, казалось, вечность нарушила молчание княжна Серых пустошей.

– Вдохновилась твоим примером.

Послала злущке улыбку и села на свободное место рядом с Ариэллой.

В тот момент я готова была расцеловать Керис. После ее слов алианы как будто ожили. Стали награждать меня комплиментами, хвалить мой вкус, восхищаться роскошными украшениями. Я была рада этому пустому трепу. Все лучше, чем если бы меня все дружно жалели и расспрашивали, как себя чувствую.

Чувствовала я себя отвратительно, но делиться этим с избранницами тальдена в мои планы не входило.

Постепенно обстановка разрядилась, и все вернулись к завтраку. Правда, потом ее снова «зарядила» возникшая в дверях эссель Тьюлин. В отличие от драконьих невест, на одутловатом лице свахи не отобразилось даже намек на сострадание. Наоборот, всем своим видом мадам показывала, что видит меня насквозь. Искусительницу, совратительницу и бесстыдницу, коварно запудрившую мозги бедолаге герцогу. А с недавних пор и его подмороженное великолепие придерживался того же мнения.

Впрочем, пусть думает что хочет. Плевать на его мысли, как и на него самого!

После короткого приветствия эссель Тьюлин смерила меня откровенно-уничжительным взглядом, как будто говорившим: жаль, Крейна и меня, трепыхавшуюся в его руках выброшенной на берег рыбой, не нашли чуть позже. Не пришлось бы тогда и дальше возиться с проблемной невестой.

– Сегодняшняя проверка стала для всех сюрпризом, – подбоченившись, заговорила распорядительница отбора. – Быть может, не совсем приятным. Но так и жизнь императрицы полна неожиданностей. Вы, как избранницы наследника, должны быть готовы к любым испытаниям. Сегодня вам придется принимать решения, которые, возможно, изменят жизнь незнакомых вам людей. В лучшую или худшую сторону – будет зависеть только от вас. Не волнуйтесь, вместе с вами будет его великолепие...

Я бы не волновалась, если бы его великолепие вместе со мной не было.

– ...и в случае чего вас поддержит. Но конечно же, постарайтесь не ударить в грязь лицом перед старейшинами и придворными. Там, в зале приемов, каждую из вас будут оценивать не как возможную супругу тальдена, а как вероятную правительницу. И кто знает, вдруг то, как вы справитесь с сегодняшним заданием, повлияет на решение наследника в будущем. Когда придет время ему выбирать из оставшихся невест себе ари.

Точнее будет сказать, выживших в этой клоаке.

Реалити-шоу «Последний герой» продолжалось. Наспех позавтракав (под надзором эссель Тьюлин завтракать медленно, растягивая удовольствие, не получалось), мы спустились в зал приемов. Просторное помещение с высокими сводами, клиньями смыкавшимися над головами придворных, было сплошь исчерчено косыми лучами солнца. Сверкающими иглами они пронзали стрельчатые окна. Каждое – в два моих роста. По стене напротив растянулись гобелены – огромные, порыжевшие от времени тканые полотна, на которых пировали и охотились вельможи прошлого.

В роскошном алькове под балдахином расположились два кресла. Одно было занято его деспотичностью Герхильдом, лицо которого сейчас очень походило на грубый камень у меня под ногами. Такое же серое. Правда, без выщерблин. Последние были прикрыты широкими ковровыми дорожками цвета разбавленной марганцовки. Жаль, хмурую физиономию тальдена прикрыть не догадались. Придется ей полдня «любоваться», мне и всем здесь собравшимся. Впрочем, не знаю как все, а я лучше порассматриваю сюжеты на гобеленах, они куда интереснее наследника.

Второе кресло пустовало. Ждало, когда в него по очереди начнут усаживаться фейковые императрицы. А в будущем, если Ледяному повезет, трон на долгие годы займет его ари. Надеюсь, к тому времени я навсегда распрощаюсь с Адальфивой, верну себе тело и собственную жизнь.

По обеим сторонам затканного пурпурным бархатом алькова возвышались стражники в латах черненой стали с воинственно опущенными забралами. На груди у каждого дракон, хищно распахнувший крылья, в руках – острые копья. То ли их просто так сюда поставили, для красоты и пафоса, то ли для охраны венценосного. А может, чтобы в случае чего можно было по-быстрому нанизать на копье, как на шампур, неугодного просителя и вышвырнуть его из зала.

Получив приказ – смешаться с придворными и ждать, когда старейшины, топтавшиеся у подножия трона, начнут нас по очереди вызывать, – мы рассредоточились по залу.

Первой посидеть под боком у Скальде пригласили Гленду. Величавой поступью, высоко задрав голову, алиана приблизилась к трону, поприветствовала дракона (этого ящера бесхвостого) грациозным реверансом – всем придворным дамам на зависть. Получив от тальдена улыбку, на миг осветившую эту каменную глыбу – его лицо, и не заставившее себя ждать дозволение подняться, заняла место по правую руку от Ледяного. Гленда и трон стали единым целым, как будто были созданы друг для друга. И рядом с Герхильдом, расслабленно развалившимся в своем кресле, алиана выглядела так гармонично, так... правильно, что у меня в груди болезненно екнуло сердце, никак не желавшее по примеру наследника превращаться в камень.

В общем, парочка вышла что надо. Прямо хоть картину маслом пиши или устраивай фотосессию: трудовые будни императорской четы.

Гленда с легкостью, с блеском и без лишних раздумий справилась с испытанием. Сначала разобралась с неверным женихом (жаль, мне голубчик не достался, вот бы я на нем отыгралась), пустившим по ветру немалое приданое своей невесты, а потом, за день до свадьбы, по пьяни женившимся на другой. С которой, как выяснилось, уже давно крутил шуры-муры.

Герхильд выслушал показания пострадавшей и провинившейся сторон все с той же

невозмутимой физиономией. Ну хоть бы проблеск раскаяния во взгляде, хоть какая-то эмоция! Сочувствие по отношению к зареванной невесте или же презрение к моту и изменщику.

Ничего.

Строгий, но справедливый судья в лице рыжеволосой виконтессы велел разгильдяю год трудиться без вознаграждения у отца экс-невесты – золотых дел мастера, владевшего в столице ювелирной лавкой. И, пока будет пахать на несостоявшегося тестя, жить на иждивении своей новоиспеченной женошкы, явно не обрадовавшейся такой перспективе.

Вторую проблему Гленда тоже разрешила быстро и успешно. Аптекарь из соседнего города – мужчина неопределенного возраста, чем-то напомнивший мне ястреба, наверное, из-за крупного мясистого носа с горбинкой и загнутым книзу острым кончиком – обвинил свою юную сиротку-помощницу в воровстве и с пеной у рта требовал, чтобы ей сию же минуту поотрубили к таграм собачьим руки.

Хорошо хоть хватило ума притащить бедняжку в императорский замок, а не чинить самосуд, за который сам мог лишиться обеих конечностей или и вовсе с головой распрощаться.

Выслушав яростные вопли аптекаря, Гленда велела эрролу Хордису осмотреть обвиняемую. Вернувшийся в зал приемов лекарь подтвердил догадку алианы: помощницу избивали. Потому и решила бедняжка выкрасть у садиста-наставника ценные зелья: чтобы продать их и сбежать из кошмара, в котором жила долгое время.

Аптекаря арестовали за жестокое обращение с девушкой, которую, о чем-то пошептавшись с Хордисом, Гленда объявила его новой помощницей.

Скальде уже не выглядел таким мрачным, и снова алиане досталась от него пусть и скупая, но все-таки улыбка. Ну а старейшины после того, как виконтесса Дерьен озвучила свой вердикт, стали походить на группку религиозных фанатиков, явившихся на поклонение своей любимой богине.

Определенно такая императрица им нравилась и всем устраивала.

Ариэлла тоже с достоинством справилась с обоими заданиями. Была в меру строга, в меру чутка и, конечно же, справедлива, и принятые ею решения нашли отклик в сердцах почтенных магов, выразившийся удовлетворенными перешептываниями и кивками. А еще все то время, пока находилась с тальденом, алиана купалась в лучах его задумчивых улыбок.

На меня Герхильд не смотрел. А если и удостоивал мимолетным вниманием, то чувство было такое, будто распинаят взглядом.

Майлона нервничала и терялась. Но с помощью Ледяного и она довольно неплохо справилась с возложенными на нее задачами.

Кому-то доставались проблемы совсем смехотворные, кому-то – посложнее. Я тоже нервничала. Терпеть не могу быть в центре внимания, а в последнее время только и делаю, что становлюсь гвоздем программы. Надеюсь, сегодня все пройдет тихо, быстро и гладко. Если б еще не приходилось сидеть бок о бок с этим

некоронованным падишахом. Развел тут себе гарем, понимаешь ли, и наслаждается любовью, пусть и навеянной чарами красавиц-невест.

А я переживаю и страдаю.

Одна за другой алианы поднимались по ступеням трона, помогали алчущим и возвращались к придворным. Когда старейшина, тот самый бородач эррол Корсен, что решил испоганить нам первый день нового года, назвал мое имя, я уже не чувствовала под собой ног. От волнения и напряжения. Шла по залу вдоль обратившихся в статуи Герхильдовых подданных, под аккомпанемент из оглушающего молчания и стука собственных каблуков.

Со всех сторон в меня летели копыта взглядов. Один из которых, принадлежавший Скальде, обжигал ледяным пламенем, заставляя сердце в груди тлеть углями, а другой – Даливы – точно раскаленной кочергой ворошил эти самые угли, пробуждая внутри меня ответное темное пламя.

Я опустила перед тальдемом в реверансе и тут же, не дожидаясь разрешения подняться, гордо выпрямилась. Вскинула голову, чтобы на миг увязнуть в расплавленном олове драконьих глаз. А потом уронила себя в кресло, чувствуя, как плечо Герхильда предательски касается моего.

Спешно отстранилась, прежде услышав шепот, ощутив дыхание, болезненно-острой лаской скользнувшее по щеке:

– Столько украшений... И даже для булавки нашлось место.

– Для нее в первую очередь.

– Так боишься поддаться действию привязки? – неизменная издевка в голосе и усмешка на губах.

Уф, как же я ее, их обе, ненавижу!

– Предпочитаю, чтобы сознание оставалось чистым и ясным. Не люблю, когда голова забита мусором.

– Мусором, значит, – глубокомысленно повторил Скальде и, приняв свою излюбленную, небрежно-расслабленную позу, откинулся на спинку кресла.

В то время как я будто сидела на битом стекле.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litmarket.ru/valeriya-chernovanova-p106954/books>